

7 МАЯ в 12.00 на Центральной площади состоится молодежный флешмоб, приуроченный к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

УЧАСТНИКАМИ массовой акции станут около 400 юношей и девушек из различных тольяттинских общественных организаций

ПАМЯТЬ

Дальше некуда

История маленького узника Освенцима

В РЕДАКЦИЮ «ПС» обратился наш читатель — в прошлом малолетний узник фашистского концлагеря Освенцим Алексей Рыбаков. Он возмущен недавними высказываниями некоторых европейских, а точнее польских политиков, которые приравнивают концентрационные лагеря фашистов едва ли не к оздоровительным санаториям.

— По телевизору показали польского министра, по мнению которого, от улыбок у узников Освенцима не закрывались рты. Меня это, конечно, покорило. Я там был 3 года, и все эти «улыбки» видел. Это открытые, перекошенные рты от ужасной, жестокой смерти и оскаленные зубы уничтоженных людей. У нас в России тоже есть чиновники по уму на уровне польского министра, — говорит Алексей Иванович.

Его рассказ жесток в своей правдивости и заставляет каждого из нас осознать, как важно донести правду до будущих поколений, дабы избежать повторения кошмара, о котором вспоминает юный узник концлагеря Алексей Рыбаков.

— Родился и жил я в Новгородской области. Началась война, бомбежки, обстрелы, — начинает рассказ о своей непростой жизни Алексей Рыбаков. — Я и старшая сестра были контужены, сестра стала глухонемой. Отец работал машинистом паровоза. Как ушел в первые дни на работу, так мы его больше и не видели. Говорили, перевозит солдат и военные грузы. Пришли фашисты. У

нас на квартире стали жить офицер и солдат. Офицер нас, детей, не обижал, а солдат мой затылок мимо своих рук не пропускал. И когда он находился в квартире, я через окно проходил и уходил в квартиру. Зимой 1942 года нашу семью вместе с другими семьями вывезли в концлагерь Освенцим. Нас поселили в тифозный барак. Помню туалет. Вырыта глубокая траншея, с одной стороны доска, упадешь, никто не достанет. Детей старались одних туда не пускать. Первая умирает мама. Нас, детей, разделили. Я остался с младшим братом, мне 4-5 лет, ему 2-3 года. Надзиратели детей били, издевались, попался и мой братик под надзирательский сапог, удар был в живот. Весь день он плакал, корчился от боли. А когда легли спать, обнял меня и затих, я думал, что он уснул, а он умер. Утром с трудом расцепили его ручки с моей шеи. И я его отвез на тележке к печи.

Есть хотелось постоянно, все, что можно было съесть, было съедено: трава, занесенные ветром листочки. А за забором из колючки в два ряда столько росло травы, еды, что слюни текли. И я, как мышонок, пролез сквозь забор и пошел, поедая траву уже на выбор. Пришел в город, увидел интересные крутящиеся двери, решил поиграться. Сделал круг, закружилась голова, сел на ступеньку.

На другой стороне улицы вижу: мальчишка-поляк вставляет иглу в палку. Я подумал, сейчас придет и будет меня колоть. Так и случилось, завязалась борьба упитанного паньча и русского узника. А взрослые поляки смотрели на это и улыбались. Не знаю, что было бы дальше, но мимо проходили четыре парня в высоких пилотках, толкали перед собой тележку. Парни отогнали паньча, а меня посадили на тележку и повезли. Подошли к высокому дому, зашли в подвальное помещение. В правом углу находилась комната. Парни дали помыться, накормили меня, и я уснул. Утром тоже накормили и отвели в коммундатуру. Я чувствовал, что они не у себя дома и я им буду обузой. Много лет спустя (уже в детдоме) я увидел в газете фото детей в таких же пилотках, это были испанцы. Из коммундатуры меня вернули в лагерь. Охрана встретила меня «радно». Два надзирателя в четыре ноги начали меня воспитывать. Они меня убили бы, но я услышал мужской спокойный голос: «Притворись мертвым». Вокруг не было никого, и я понял, что это сказано мне. Я перестал орать, а когда упал на землю, превозмогая боль и страх, вытянулся, дрыгнул ногой и затих. Я видел, как умирали дети. Пнув напоследок меня ногой в бок, надзиратели ушли. А я остался жить.

Горы трупов у печей — это так привычно. Везешь трупы к печи, а из глаз слеза вытекает. И только сейчас осознаешь в полной мере, как это было ужасно.

Когда наши войска освободили узников Освенцима, я попал в госпиталь в Польше,

АЛЕКСЕЙ РЫБАКОВ:

— Отслужив в армии, в 1958 году хотел поехать на Шпицберген заработать на дальнейшую жизнь. Но чиновники города Мурманска решили иначе. В отделе кадров, куда я обратился, сказали, что выезд за границу мне закрыт. Я был в концлагере Освенцим 3 года и мог быть завербован немецкой разведкой, хотя был 5-8-летним мальчишкой, чудом выжившим из семьи в 7 человек и из миллионов других уничтоженных людей. После освобождения нашими войсками узников Освенцима попал в госпиталь в Польше. Очнулся за несколько минут до захоронения, уже в морге госпиталя в Псковской области. А после госпиталя 7 лет находился в детдоме. И все эти доводы со слезами на глазах успеха у функционеров не имели. Чиновники меня изменником Родины нарекли. Получилось все наоборот.

часто терял сознание. А когда очнулся нормально, пришел в себя, это было уже в госпитале в Псковской области. Солдаты с носилками пришли за мной в морг, чтобы везти меня хоронить, а я ползая по полу. Положили на носилки и понесли в палату. Военврач осмотрел меня и говорит медсестрам, мол, выкарабкался мальчонка, хорошенько вымойте его и положите в палату к офицерам, там он быстрее поправится. Офицеры понесли мне разную вкуснятину, а я есть еще не мог. Сестры кормили меня с ложечки. Вылечили меня и определили в детдом.

День Победы 9 мая 1945 года встретил в детдоме. Радости не было предела. Детдом, конечно, не концлагерь, но и не мать родная. Всякое было, жестокость тоже. Нельзя не вспомнить американскую гуманитарную помощь. Коричневые и зеленые костюмы из грубошерстного материала, если надеть на голое тело, натурали до крови, рубашки-то не у всех были. Быстро от этих костюмов отказались. Овощные консервы в металлических банках были тухлые. Есть невозможно. Мы не были зажавшимися детьми. Весной собирали в поле мерзлую картошку, пекли и ели. Получалась картошка то зеленая, то черная, тягучая. Сейчас о такой «вкуснятине» без содрогания не вспомнишь.

В 16 лет РУ закончил, направили в Карелию на металлургический завод — слесарем. Жизнь у меня не была легкой, приходилось карабкаться через чиновничий беспредел. В 1992 году Указом Президента РФ малолетние узники фашистских концлагерей были приравнены по материально-бытовым льготам к участникам ВОВ. Прожил я 9 лет в селе Васильевка, где глава администрации Ставропольского района Пучков А.С. и глава администрации волости Писарев Ю.А. нас, узников, от участников ВОВ не отделяли. Один концерт для всех, одни подарки, рукопожатия, фронтонные 100 грамм из одной бутылки. И праздник Дня Победы проходил с душой, радостно. Эти два чиновника — единственные, которые относились ко мне добропорядочно, по-человечески, спасибо им. Да, мы, дети-узники, в атаке не ходили, но на наши маленькие жизни выпало столько насилия, жестокости, смерти, дальше некуда.

Иван Дмитриев

Производителей предприятий Тольятти

опительного сезона 2014-2015 гг.
оки проведения гидравлических
тти на прочность. В этой связи
бжения и ГВС для потребителей
оки:

исомольского района
отельных №2 и №8);
й БМК-34);
нское лесничество (от котельной №6);
кварталы 14а, 17а Автозаводского района.

оводить ремонтные работы на тепловых сетях, не
елловых камер.

оизводиться по мере устранения выявленных
х наличия открытых люков на тепловых камерах
ТС г. Тольятти: **719-252 и 283-322.**

Приносим извинения за временные неудобства!